

Еще раз о надгробии Марфы из села Млѣва¹

Одним из примеров эпиграфического источника, требующего углубленного источниковедческого анализа, является подписное валунное надгробие с эпитафией Марфе, найденное на кладбище у Георгиевской церкви в селе Млѣве (совр. Удомельский р-н Тверской обл.). Текст эпитафии на валуне гласит: «|¹ лѣта ꙗзъ (vacat) |² положена сѧ |³ престависѧ|⁴ раба бжїи|⁵ марѣа на па(мять) |⁶ (vacat)».²

Кратко изложу историю памятника. Оно было найдено в 1791 г. на кладбище у Георгиевской церкви села Млѣва и впервые опубликовано в 1828 г. в журнале «Русский зритель», издававшемся московским историком К. Ф. Калайдовичем.³ Статья вышла без подписи, но есть основания полагать, что ее автором был М. П. Погодин, исполнявший обязанности редактора данного номера.

Оставленные свободными места для года, месяца и дня смерти, а также дня памяти святого, на которые пришлась кончина, позволяют заключить, что эпитафия была вырезана при жизни Марфы. При определении времени создания таких заготовок возникает соблазн отнести их к ближайшему десятилетию от указанной в надписи даты, что далеко не всегда справедливо.

Для уточнения времени создания эпитафии применимы четыре метода — палеографический, типологический, историко-географический и просопографический.

При общей неразработанности палеографии старорусских надписей необходимо выделить надежный хронологический репер, который позволил бы объединять близкие по времени эпиграфические памятники, не прибегая к излишне сложным построениям. Сравнительно недавно Л. А. Беляев на ограниченном во времени материале предложил верный алгоритм палеографической датировки надписей по начертаниям знака буквенной цифири, обозначающего седьмое тысячелетие.⁴ Данный знак присутствует на подавляющем большинстве эпиграфических памятников, отражает изменения в их палеографии и в комплексе с изложенными выше методами датировки позволяет сузить дату создания надписи. При составлении Свода русских надписей этот знак описывается как индивидуальный палеографический признак эпиграфического памятника, при этом учитываются его начертание, форма дуг, характер их сочленения, а также форма знака тысячи и способ его соединения с буквой.

Структура данной эпитафии уникальна, так как содержит формулы, не встречающиеся вместе на иных намогильных плитах, — архаичную «положена сѧ» (предполагающая дополнение «дска» или «камение») и «классическую» — «престависѧ раба бжїи». Для середины XVI в. Л. А. Беляев считал первую формулу уже устаревшей, тогда как «классическая», по его мнению, стала основной в эпитафиях, начиная с первой трети XVI в.⁵ Видимо, «встреча» данных формул в эпитафии Марфе в какой-то мере отражает их параллельное сосуществование, а возможно, и

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См. сайт проекта: URL: //https://sig.rssda.su. В статье исправлен ряд ошибочных интерпретаций, допущенных мною в монографии. См.: Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV – вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015. С. 22–26. Благодарю краеведа из Вышнего Волочка А. Крючкова за сделанные замечания.

² Транскрипция надписи дается в соответствии с международным стандартом публикации эпиграфических памятников — Лейденской системой скобок. О правилах ее применения к старорусским надписям см.: Авдеев А. Г. Методы и приемы текстологического изучения старорусских надписей // Palaeoslavica. 2019. Т. XXVII. № 2. С. 190–191. Vacat — место на камне, свободное от надписи.

³ Надгробный Памятник Марфы, будто бы Посадницы Новгородской // Русский зритель. Журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. 1828. № 1–2. С. 36–40.

⁴ Беляев Л. А. 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI — начала XVII века // Звучат лишь Письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М., 2019. С. 76–88.

⁵ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 249–254.

переход к «классической» формуле на Северо-Западе, что в какой-то мере может указывать на 30-е – 40-е гг. этого столетия.

В основном палеографическом признаке эпитафии — обозначении 7 тысячелетия — верхняя петля буквы З имеет горизонтальное покрытие с переломом и удлинённой засечкой на конце, нижнее окончание петли близко подходит к концу строки. Нижняя петля напоминает букву С в зеркальном начертании. Знак тысячи вырезан ближе к окончанию нижней петли. Насечки параллельны друг другу. Подобное начертание седьмого тысячелетия появляется в старорусских надписях в начале 30-х гг. XVI в. Близкую аналогию обозначению седьмого тысячелетия в эпитафии Марфе дают строительная надпись из Возмищского монастыря (1541 г.)⁶ и надпись на плите инокини Евникии из Троице-Сергиева монастыря († 1547 г.)⁷

В целом проведенный анализ особенностей палеографии и структуры эпитафии Марфе позволяет отнести время создания этого эпиграфического памятника к 40-м гг. XVI в.

Населенный пункт Млѣв (Мълевъ) является одним из старейших населенных пунктов данного региона: впервые он упоминается в берестяной грамоте середины XII в.,⁸ но в какой пятине Новгородской земли он находился, неизвестно. Приходная книга Новгородского дома Святой Софии, составленная в 1576/77 г., называет во Млѣве, входившем в Троицкую десятину Новгородской епархии, два приходских храма — Троицкий и Егорьевский.⁹ Однако деление Новгородской епархии на приходские десятины не совпадает с административным, и писцовые книги Новгородской земли XVI в. различают во Млѣве два погоста. Первый — Троицкого монастыря «что за Мстою» располагался в Деревской пятине, второй — Егорьевский «на Виру» — в Бежецкой.

Первоначально я связал находку надгробия Марфы с девичьим Троицким Млѣвским монастырем, что диктовалось ранней датировкой эпитафии и сведениями источников о существовании этой обители в конце XV в. В Историческом атласе Деревской пятины, составленном А. А. Фроловым и Н. В. Пиотух,¹⁰ восстановлена геоинформационная система поселений в одном из регионов Новгородской земли. В его основу была положена древнейшая писцовая книга по Деревской пятине, составленная в 1495–1496 гг. П. З. Скуратом и Петром Волком Борисовым.¹¹ Млѣвских погостов в атласе нет, так как их описание в источнике утрачено,¹² но авторы, основываясь на эксерптах из более поздних писцовых книг,¹³ включили в него деревни Саовинье и Дуброву, которые входили в вотчину Троицкого «из Млѣва» монастыря.¹⁴

Из писцовых книг Новгородской земли известно, что между 1526–1542 гг., при свт. Макарии, тогда архиепископе Новгородском, Троицкая обитель была преобразована из женской в мужскую.¹⁵ Первое упоминание прихода при Троицкой церкви, свидетельствующее об упразднении монастыря в третьей четверти XVI в., относится к 1550/51 г.¹⁶

⁶ Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. 1960. Т. I. Табл. III. Рис. 1, 2.

⁷ Вишневецкий В. И. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие–I. М., 2006. С. 171. Ил. 102.

⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. XI: Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. № 885.

⁹ Приходная книга Новгородского дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи Софийской пошлины») / Изд. подг. И. Ю. Анкудинов, О. Л. Новикова, А. А. Селин, А. А. Фролов. Сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011. С. 20, 24, 55, 56, 114, 142, 143.

¹⁰ Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Т. 1–3. СПб.; М., 2008.

¹¹ Изд.: НПК. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. СПб., 1859.

¹² Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас... Т. 1. С. 22–23.

¹³ Там же. Т. 2. С. 50. Л. 43; С. 60–61. Л. 53–54.

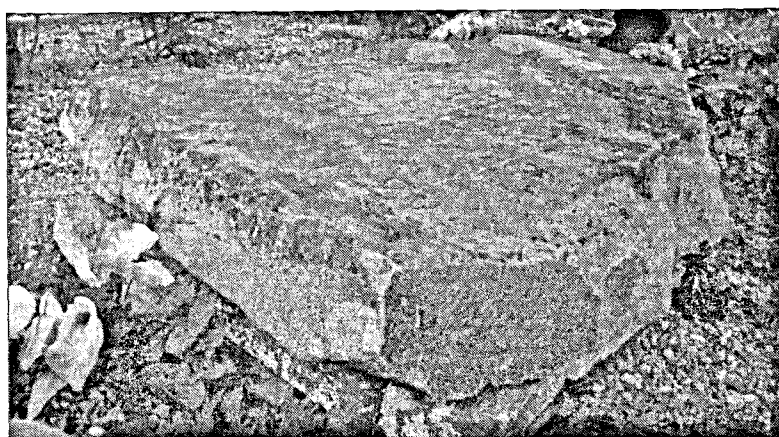
¹⁴ Там же. Т. 1. С. 208. № 94; С. 322. Табл. 2.

¹⁵ ПКНЗ. Т. 5: Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 233.

¹⁶ ПКНЗ. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги природных пожен Новгородского двора 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 1997. С. 233–234.

а

б

Рис. 1. Тверская обл. Удомельский р-н. Село Млёво. Бывш. Егорьевский Млёвский погост.
Валунное надгробие с заготовкой эпитафии Марфе. 40-е гг. XVI в.
А. Эпитафия. Б. Верхняя часть надгробия со следами сколов. Фото А. Г. Авдеева. 2013 г.

На Егорьевском погосте Бежецкой пятины, где и было найдено надгробие Марфы, находился торг на берегу реки Мсты и стояли два храма — холодный Егорьевский с двумя приделами, Преображенским и Знаменским, и теплый Петропавловский.¹⁷ А. А. Фролов связал с Млёвым местность «на Виру», где останавливался Иван III во время похода «миром» на Новгород в ноябре 1475 г.¹⁸ Если это и так, то данный факт является косвенным свидетельством существования Егорьевского погоста «на Виру» в конце третьей четверти XV в., хотя одно из первых его достоверных упоминаний относится к 1525/26 г.¹⁹ Ныне существующая церковь Георгия Победоносца в селе Млёве показывает, что она, несмотря на многочисленные перестройки и исторические коллизии, никогда не меняла посвящения престола. Таким образом, находка надгробия Марфы является пока единственным независимым от других источников свидетельством существования некрополя у Георгиевского храма в 40-е гг. XVI в.

Уточнение времени создания намогильного памятника Марфы заново ставит вопрос о возможном отождествлении этой женщины с известными из других источников жительницами Бежецкой пятины, время жизни которых приходится на 40-е гг. XVI в.

Еще до первой публикации надгробия имя в эпитафии, совпавшее с именем заглавной героини повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница», породило миф о погребении во Млёве той самой *Марфы*. Уверенность в правильности отождествления надгробия придала дата на валуне — 7000 г. от Сотворения мира. Постепенно намогильный камень оброс живописными легендами. Порожденная его находкой легенда, будто Марфа Борецкая либо умерла во Млёве, либо была убита там по дороге в ссылку, остается популярной и в наши дни.²⁰ Менее всего это поверье соответствует историческим источникам. Из Жития Зосимы Соловецкого известно, что боярыня вместе с сыном Федором и дочерьми «послана бысть в заточение в Нижний Новгород».²¹ Единственный источник, подтверждающий принятие Марфой Посадницей схимы и называющий дату ее смерти, но умалчивающий о месте кончины и погребения — это Новгородский Большаковский летописец: «лѣтъ ꙗзѣи в весны на дѣидли по велице днѣи в среду въ ѳеодорѣвъ днѣи преставис марѣа скимница посадница ноугородцкаа».²² Однако в 7017/1509 г. Юрьев день (24 апреля) не приходился на среду 4-й недели по Пасхе. По расчетам акад. В. Л. Янина,²³ указанное совпадение дат соответствует 1483 и 1494 г., что не противоречит последнему упоминанию Марфы в летописях (6986/1475) и ее вероятному возрасту. Упоминание в летописце схимнического имени боярыни — Марфа — дает основания для очень осторожного предположения, что или летописец для ясности указал на ее мирское имя, или же при пострижении в великую схиму она вернулась к мирскому имени, хотя данная традиция прослеживается со второй половины XVII в. и позже.²⁴

Сравнительно недавно удомельский краевед Н. А. Архангельский отождествил «владелицу» надгробия с помещицей Марфой Васильевой женой Розстригиной,²⁵ что было принято его

¹⁷ НПК. Т. VI: Книги Бежецкой пятины. I. 1501 г. — II. 1551 г. — III. 1564 г. СПб., 1910. Стб. 557; ср.: *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке с приложением карты // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. VIII. СПб., 1853. Прил. С. 336–338.

¹⁸ *Фролов А. А.* О местонахождении местности «на Виру» средневековых письменных источников // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь, 1999. С. 176–183.

¹⁹ ПКНЗ. Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. М., 2001. С. 1.

²⁰ Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* Валунные надгробия Верхневолжья... С. 10–15.

²¹ *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. II. Тексты. М., 2001. С. 37–38.

²² Цит. по: *Конявская В. Л.* Эпоха Ивана III в Новгородской Большаковской летописи // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 85.

²³ Ссылка на них: *Там же*. С. 85.

²⁴ См.: *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 40, 72–73, 124–128.

²⁵ *Архангельский Н. А.* Удомельские сказания. Удомля, 2007. С. 51. В действительности эта гипотеза принадлежит В. Розину, который «превратил» помещицу в Марфу Расстригу, так как это отвечало его концепции о бегстве Марфы Посадницы, насильственно постриженной в одной из нижегородских обителей, к единомышленникам в Бежецкую пятину, снятии ею монашеского сана, тайном пребывании и смерти во Млёве. См.: *Розин [В.]* Могила Марфы Посадницы и древности села Млёва Тверской губ. // Новгородские епархиальные ведомости. 1897. № 7. С. 430.

земляками.²⁶ Время активной деятельности Марфы — 40-е – 50-е гг. XVI в. — совпадает с датировкой надгробной плиты. В это время ее поместья лежали в двух Егорьевских погостах Бежецкой пятины — во Млёве (Марфина волостка) и в Мокрынях. До этого часть из них принадлежала другим владельцам — Иванцу и Васюку детям Курчебина Литвинова Коптева (погост Егорьевский в Мокрынях), Федору Олександрову сыну Пыжева Отяева («въ животѣ не стало лѣта 7052 у собя въ помѣстии»), Якову Олександрову сыну Пыжева Отяева («въ животе не стало на цареве государеве службе въ Переславле въ Рязанскомъ лѣта 7058) и Ондрею Безносу Меньшому Михайлову сыну Нелединского («въ животе не стало на цареве государеве службе въ Володимере лѣта 7057) (Егорьевский погост во Млёве).²⁷ Однако эта гипотеза не кажется столь однозначной. В эпитафии Марфе отсутствует набор обязательных информативных единиц, употреблявшихся в надгробных надписях с конца XV в.: не указано имя отца умершей, неясны ее социальный статус и семейное положение, так как отсутствуют имя мужа (указанное между тем в писцовых книгах), равно как и статус незамужней девицы. Не упомянут в эпитафии и схимнический сан покойной (что было бы естественным для эпитафии Посадницы). Наконец, в писцовых книгах указана только одна, но наверняка не единственная, Марфа, связанная с Бежецкой пятиной. Подведем итоги. Палеографические особенности прижизненной заготовки эпитафии Марфе позволяют датировать время ее изготовления 40-ми гг. XVI в. и считать единственным на настоящий момент свидетельством существования в это время приходского некрополя в Егорьевском погосте во Млёве. Что же касается названной в эпитафии Марфы, то ее отождествление с каким-либо реальным лицом по недостатку источников недоказуемо.

²⁶ Подушков Д. Л. История села Млѣва // Удомельская старина. Удомельский краеведческий альманах. № 46: Село Млѣво. Вышний Волочек, 2008. С. 9.

²⁷ НПК. Т. VI. Стб. 57, 340, 344–347, 597, 599, 601.